

29 ДЕК 1984

«НАШ ДОМ-ТЕАТР»

Народному артисту РСФСР, актеру Республиканского ордена Трудового Красного Знамени русского драматического театра В. Прибылову исполнилось 50 лет.

— Владимир Васильевич, разрешите поздравить вас с юбилеем. Думаю, что ко дню рождения вы сделали себе хороший подарок: роль Федора Карловича в спектакле «Эшелон» в десятках анкет, которые просили заполнить зрители члены художественного совета театра и редакция газеты «Вечерняя Уфа», называется в числе лучших.

— Спасибо. Знать, что твой труд и мысли, вложенные в конкретный образ, нашли отклик в сердцах зрителей, приятно всегда. Но, честно говоря, считаю, были у меня роли и более удачные.

— Например!

— Мне выпало счастье дважды играть Владимира Ильича Ленина. Случилось это сначала в спектакле не своего театра, а в опере «Октябрь» В. Мурадели, поставленной на сцене театра оперы и балета. Сил—и душевных, и физических—эта работа отняла у меня много. Но это был только эпизод. Уже потом наш театр включил в репертуар пьесу «Шестое июля» М. Шатрова. Образ Владимира Ильича там—один из главных. Сколько фотографий того времени пересмотрел, сколько интереснейших документов первых лет революции открыл для себя, сколько было проб грима! В общем, встреча с таким материалом поистине счастье для любого актера.

Много лет трагедии «Царь Федор Иоаннович», идущей на нашей сцене, но каждый раз я с громадным удовольствием выхожу в главной роли этого спектакля. Здесь мои товарищи, я столкнулись с прекрасной драматургией А. Толстого, написанной, к тому же, на основе конкретного исторического материала. С удовольствием играл и Наума Евстигнеевича из «Характеров» по В. Шукшину. Санчо Пансу в мюзикле «Человек из Ламанчи»...

— А первую свою работу в театре помните!

— В 1967 году в спектакль «Четыре креста на солнце» ввели сразу целую группу вчерашних выпускников Уфимского училища искусств, был среди них и я. Молодой ученый Арнольд—вот первый мой герой. Главное, к чему я стремился тогда... унять дрожь в коленях.

— Значит, чувство неудачи вам знакомо!

— К счастью или к несчастью, но знакомо. Делаешь вроде все правильно, и претензий к тебе и со стороны зрителей, и со стороны режиссера как-будто бы нет никаких, но чувствуешь, что фальшив, не греет роль, ускользает от тебя что-то главное в ней, и ты это главное никак не можешь ухватить. Актер театра, где не такая уж и большая труппа,—человек с ограниченным правом выбора, и ему порой приходится встречаться с ролью, которая... не совсем ему по душе, скажем так.

— Сыграны десятки ролей и в классическом репертуаре, и в пьесах современных драматургов. Можете назвать современного драматурга, близкого вам как актеру, как человеку?

— Пожалуй, это Александр Николаевич Островский. Его пьесы покрыты таким вековым хрестоматийным глянецом, что разглядеть под ним великого драматурга, который как никто сумел показать судьбу маленького человека дореволюционной России, для многих очень непросто. Бытописатель замоскворецкого купечества... Островский ценен совсем не этим, я думаю, что в его пьесах будут играть еще многие и многие поколения актеров. Классика должен сказать, мне импонирует гораздо больше, чем современная драматургия. И в первую очередь потому, что в ней есть сильные образы. Проходных ролей у Островского, Чехова нет, если уж образ, то он выписан до конца, если уж волнует, то до глубины души.

— Если бы вам предложили самому распределить роли в новом спектакле, то кого бы из своих коллег по театру вы выбрали!

— Затрудняюсь сказать. Мидзяеву, Дроздова, Хаустова, Терентьева, Ярского...—всех. И не потому, что боюсь кого-то обидеть. Мне действительно приятно встречаться практически со всеми моими коллегами на сцене.

— А в жизни!

— И в жизни тоже. Мои близкие друзья работают со мной вместе, разве этого мало? Может быть, поэтому я ощущаю театр нашим общим домом.

— Без каких человеческих качеств вы не мыслите актерской профессии!

— Без самоотдачи. Самоотдачи целиком и полностью. Терпимости к тем, кто тебя окружает и, главное, доброты, ведь искусство, как сказал Лев Толстой, есть единение людей в доброте.

— Не появлялось у вас желания попробовать себя в роли режиссера!

— Нет. Слишком разные это профессии. Если что-то у тебя получается как у актера, то это не значит, что в новом качестве можно рассчитывать даже на относительный успех. Но дело даже не в этом. Я люблю дело, которым занят, а от добра добра не ищут.

— Бываете ли вы в других театрах!

— В Уфе почти совсем не приходится. И не потому, что не хочется, а потому, что некогда. У нас всего один выходной—понедельник, а в этот день, как известно, все театры отдыхают. Когда же вечером нет спектаклей или репетиций, все равно не чувствуешь себя свободным. Это время занято новой ролью. Ведь ни режиссера, ни зрителя тем более, не волнует, когда ты—днем ли, ночью ли—работаешь над образом.

— Владимир Васильевич, каким вы видите Республиканский русский театр лет, скажем, через пять!

— Трудно делать прогнозы, но я уверен, что мы, завтрашние, будем лучше нас, сегодняшних. Причины этого оптимизма? Я вижу отягчение к делу моих старших и молодых товарищей, вижу творческую работу нового режиссера М. Рабиновича, ощущаю то внимание, которое оказывают театру зрители. Думаю, что главные наши удачи—впереди.

Интервью вел А. ВАЛЕЕВ.

Фото Р. КУДОЯРОВА.